

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.367-384>

EDN: КНЖНУЕ

Этноконфессиональные традиции татар Саратовского края в условиях советской социокультурной и экономической системы

А.А. Хабибуллин

Медресе «Шейх Саид»

Духовного управления мусульман Саратовской области

Саратов, Российская Федерация

ali.xabibullin@yandex.ru

Резюме. Статья посвящена истории татар Саратовского края (Саратовская, Пензенская области). На основе изученных с привлечением архивных источников и материалов интервьюирования, истории татарских сел и городских мусульманских общин рассматриваются процессы сохранения, укрепления и с другой – трансформации этноконфессиональных традиций татар-мишарей в условиях действия советской социокультурной и экономической системы. В статье определено значение духовно-нравственных ценностей, функционирования конфессиональных институтов и национальных учреждений образования в сохранении национальной и религиозной идентичности татар. Рассматривается вклад выпускников джадидистских школ в становление системы национального советского образования и культуры. Отдельное внимание уделяется анализу вопроса о противостоянии носителей традиционного мусульманского и советского секуляризованного мировоззрения. Поэтапно рассмотрены процессы нивелирования влияния народных национально-религиозных традиций, хозяйственного уклада и всестороннего влияния советской системы на формирование нового облика татар. Затрагиваются вопросы отражения голода, раскулачивания, закрытия и слома мечетей, коллективизации на качественную составляющую основ традиционного татарского общества. В статье делается вывод об имевшем место в начале 1920–1930-х годов процессе подмены цивилизационных ценностей, духовной культуры татар. Наряду с аккультурацией татар в условиях советской системы в 1920–1980-е годы рассматриваются сохранявшиеся на протяжении десятилетий советского периода развития народные традиции и фольклор.

Ключевые слова: этноконфессиональные традиции, *махалля*, мечети, *мектебе*, секуляризация, национальная школа.

Для цитирования: Хабибуллин А.А. Этноконфессиональные традиции татар Саратовского края в условиях советской социокультурной и экономической системы. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 3. С. 367–384. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.367-384> EDN: КНЖНУЕ

Ethno-confessional traditions of the Tatars of the Saratov region in the context of the Soviet socio-cultural and economic system

A.A. Khabibullin

Sheikh Said Madrasah of the Saratov Region Religious Board of Muslims

Saratov, Russian Federation

ali.xabibullin@yandex.ru

Abstract. This article focuses on the history of the Tatars of the Saratov territory (i.e. the Saratov and Penza regions). An extensive study of archival materials, an analysis of interview data and historical records of Tatar villages and urban Muslim communities allowed the author to investigate the processes of preservation, consolidation and transformation of ethno-confessional traditions of Mishar Tatars, which took place under the influence of the Soviet social, cultural and economic system. The article defines the important role of spiritual and moral values, the functioning of confessional institutions and national educational institutions in the preservation of the Tatars' national and religious identity. It also examines the contribution of Jadidist school graduates to the development of the national Soviet educational system and culture. The researcher draws attention to the opposition between adherents of traditional Muslim and secular worldviews. The article evaluates, on a step by step basis, the processes of levelling out the impact that the people's national and religious traditions, household practices and pervasive influence of the Soviet system had on shaping of a new image of the Tatars. In addition, the article examines how the famine, dekulakization, closure and demolition of mosques and collectivization campaign affected the qualitative foundation of the traditional Tatar society. The author concludes that during 1920–1930s the Tatar society underwent through the process of replacement of their civilizational values and their spiritual matrix. The paper also studies the folk traditions and folklore, which persisted for decades alongside the acculturation process of the Tatars during the Soviet 1920–1980s.

Keywords: ethno-religious traditions, mahalla, mosques, mektebe, secularization, national school.

For citation: Khabibullin A.A. (2025) Ethno-confessional traditions of the Tatars of the Saratov region in the context of the Soviet socio-cultural and economic system. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 3: 367–384. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.367-384> (In Russ.)

Значимость традиций в жизни и истории любого народа неопределима. Обладая большой устойчивостью, они способствуют укреплению менталитета – социокультурного механизма преемственности ценностей народа. Степень успешности освоения новыми поколениями традиций своего народа, образа мышления, языка, наряду с выработыванием алгоритмов действия в условиях современных общественно-экономических реалий, во многом определяет жизнеспособность нации.

Проблема сохранения этноконфессиональных традиций для татар была актуальна во все периоды истории и остается таковой и в настоящее время. Существенно важным является и понимание роли социокультурных институтов, способствовавших фундированию национальных и религиозных ценностей татар в условиях российской действительности.

Тема, посвященная этноконфессиональным традициям татар Саратовского края советского периода истории, ранее не становилась объектом специальных исследований. Вместе с тем те или иные аспекты темы рассматривались во время изучения истории отдельных татарских сел края. Особое место среди работ, посвященных истории и культуре татарских селений Правобережья Саратовского края, занимают книги доктора исторических наук, профессора, почетного члена АН РТ Ф.А. Рашитова (Рашитов, 2023). В 2020 г. под его редакцией группой саратовских ученых и краеведов был выпущен энциклопедический справочник «Татары Саратовского Поволжья», в котором нашли место статьи по культуре татар, известным имамам, учителям, общественным деятелям (Татары Саратовского Поволжья..., 2020). В последнее десятилетие автором статьи были изданы книги по истории татарских сел Саратовского края (Хабибуллин, 2017; Хабибуллин, 2020). Описание традиций татарских сел Пензенской области нашло отражение в работах Р.Х. Алюшева и Ф.М. Зюзина (Зюзин, Алюшев, 2020).

Целью данного исследования является изучение этноконфессиональных традиций татар Саратовского края в условиях советской социокультурной и экономической системы. Сообразно цели поставлены следующие задачи:

- изучить процесс изменения ценностной составляющей системы образования у татар, реализации мер по секуляризации их жизни и мировоззрения;
- показать процессы трансформации народных форм культуры и традиций;
- выявить особенности форм сохранения религиозных обычаев и традиций и определить их роль в процессе самоидентификации татарского этноса;
- проанализировать влияние преобразований 1930-х годов на национально-религиозные традиции и формирование новой идентичности.

Численность татарского населения Саратовской губернии по переписи 1897 г. составляла 94 693 человека (Первая Всеобщая перепись..., 1904: 80–81), а к 1928 г. достигла 113 тысяч человек (Трофимов, 1928: 1). Татары преимущественно проживали в сельской местности. Городское население представляло лишь 2,5 % нации. В дореволюционный период истории одним из ключевых факторов, способствовавшим сохранению национальных и религиозных традиций татар Саратовского края, являлся моноэтнический характер селений. Составляющей частью социально-культурной, духовной жизни татарского общества являлась традиционная религиозная община – *махалля*. Она способствовала сохранению объединяющих начал верующих вокруг общих цивилизационных ценностей, совместному выработыванию методов и форм решения возникающих различного рода проблем. Колоссальную роль в сохранении этнорелигиозного самосознания, воспитании населения в духе национальных этических норм и обычаев наряду с мечетями играли приходские школы – *мектебе*.

В конце XIX – начале XX в. традиционный уклад жизни татар начал меняться. Несмотря на неизбежные процессы аккультурации, особенно в городах, представители татарского народа искали механизмы укрепления традиционных ценностей, стремились противостоять ассимиляции. Одним из проявлений

усердия в этом направлении стало отрицание новшеств, в том числе научных знаний и открытий. Это неприятие подкреплялось сложившимся под влиянием государственной политики прошлых столетий стереотипов неприятия всего инородного, «немусульманского». Прежде всего, это касалось русского языка, европейской одежды и даже пищи растительного происхождения. Довольно продолжительный исторический период эти стереотипы, сформировавшиеся как «ответ» на процесс культурной ассимиляции, действительно способствовали решению задачи сохранения национальной и религиозной идентичности, традиций. Однако в условиях меняющихся реалий конца XIX – начале XX вв. они стали сдерживающим фактором в развитии нации. Соответственно появление и воплощение идей реформирования татарско-мусульманского общества в форме джадидизма стало новым «ответом» на вызовы времени. В Саратовской губернии практически во всех селах открывались новометодные *мектебе*. Их деятельность во многом способствовала подготовке кадров советской интеллигенции. Ярким примером функционирования джадидистских школ могут служить *мектебе* Осиново-Гайской волости Новоузенского уезда Самарской губернии и Петровского уезда Саратовской губернии. В селах Суляевка и Старый Карлыган Петровского уезда учителями новометодных школ работали выпускники Галеевского медресе Казани – Галляметдин Хантемиров (ОГУ ГАСО Ф. 637. Оп. 2. Д. 3038. Л. 1 об.) и Шахимардан Яраев (ОГУ ГАСО Ф. Р–1. Оп 1. Д. 1779. Лл. 11, 11 об.). Кадимистски настроенные муллы, старейшины приходо-в усматривали в деятельности новометодных школ угрозу как религиозным устоям, так и национальной идентичности татар. Противодействие защитников религиозных традиций прогрессивным изменениям в образовании проявлялось в различных формах, от публичного словесного осуждения до прямого физического противостояния (Хабибуллин, 2017: 86–87).

После Октябрьской революции 1917 г. в Саратове был создан Саратовский губернский отдел по делам мусульман. Одной из его задач стало открытие на местах с мусульманским населением школ, основанных на новых социалистических началах. Необходимо было обучить армию педагогических кадров, способных воспитать советских людей. С этой целью в крае открывались курсы по подготовке учителей. При организаторском участии Ш.А Рамазанова они были проведены в 1918 г. в г. Петровске Петровского уезда (Алтата авылы ..., 2007: 115), в 1918 г., 1920 г. – в селе Осин Гай Новоузенского уезда (ОГУ ГАСО. Ф. Р–1. Оп 1. Д. 1473. Л. 13, об. 14).

Открываемые повсеместно советские школы первой ступени располагались в помещениях *мектебе* и должны были содержаться из местного бюджета. Однако мусульмане при неофициальной агитационной поддержке имамов мечетей отказывались содержать учителей и работу школ. В условиях голодных 1921–1922 гг. многие школы были закрыты. В эти годы татарские села потеряли до половины своих жителей. Последствия трагических событий голода ослабили качество межпоколенных связей, тысячи детей получили воспитание в детских домах, многие потеряли связь с родителями и родиной.

Не выступая открыто против советской власти и ее мероприятий, имамы мечетей и муэдзины в 1920-е годы сохраняли свое определенное влияние на население, в том числе на молодежь, составляя конкуренцию новой власти.

В 1923 г. многие мусульмане страны в массовом порядке направляли в ВЦИК докладные записки с просьбой о разрешении мусульманского образования в мечетях. Постановление ВЦИК и СНК СССР (октябрь 1923 г.) позволило в мусульманских регионах организацию группового преподавания вероучения в мечетях и частных домах, в свободное от занятий время, лицам, достигшим совершеннолетия по шариату и имеющим образование в объеме 3-х классов школы первой степени (Миннуллин, 2013: 362).

Мусульмане татарских сел Нижне-Волжского края в ответ на свои обращения в местные исполнительные комитеты об открытии *мектебе* при мечетях в 1925–1928 гг. получали такие разрешения. Пик открытия религиозных школ в стране и в крае пришелся на 1926 г. Так, в селе Суляевке Петровского уезда к этому времени возобновилось функционирование четырех *мектебе*, в селе Новая Усть-Уза того же уезда – 2 *мектебе*. Религиозные школы функционировали в 5-ти мечетях сел Дергачевского района (ОГУ ГАСО. Ф. 521. Оп. 4. Лл. 9–9об.; Оп. 1. Д. 1917. Л. 3, об.; Д. 1426. Лл. 26, 122; Д. 2698. Лл. 4, 20, об.). В селе Старый Мостяк Хвалынского уезда обучение детей было организовано в двух частных домах (Рашитов, 2023: 168).

Работа *мектебе* являлась важным условием сохранения религиозного мировоззрения татар в условиях атеистической пропаганды. Осознавая эту опасность для себя, советское государство вновь перешло в наступление. С 1927 г. начали чиниться многочисленные административные барьеры при открытии религиозных школ, были предусмотрены репрессивные меры. Родители, водившие детей в *мектебе*, подвергались административному и психологическому давлению со стороны местных партийно-государственных органов. Аккордом антирелигиозной образовательной политики власти стала отмена разрешительного постановления относительно религиозных школ, принятая 18 июня 1928 г. решением Президиума ВЦИК.

В последние годы НЭПа (1927–1928 гг.) положение в сфере школьного образования стало улучшаться. Во многом это стало возможно благодаря открытию в Саратове в 1924 г. татарского отделения Педагогического техникума, в последующие годы преобразованного в отдельное учебное заведение. Директором педагогического техникума являлся уроженец села Старый Карлыган Петровского уезда Рамазанов Шигап Алимович (1887–1948 гг.), заведующим по учебной части – уроженец села Алтата Новоузенского уезда Яфаров Бекер Гарифуллович (1893–1954). Всего с 1924 по 1932 гг. Саратовский педагогический техникум подготовил 138 учителей по основной и 393 учителя по дополнительной (краткосрочной) программе. Контингент студентов в основном состоял из молодежи татарских деревень губернии (Татары Саратовского Поволжья..., 2020: 155, 195, 240).

Из выпускников техникума формировался как педагогический состав, так и руководство школ, действовавших по всему Нижне-Волжскому краю. Примечательно то, что среди учительских кадров, обучившихся в техникуме, были представители дореволюционной интеллигенции. Как правило, они являлись детьми имамов и зажиточных крестьян, которые в 1930–1933 гг. либо сами, либо их родители подверглись раскулачиванию. Таковыми, например, были Хайров Шакир Жалюкович (1903), уроженец села Алтата Новоузенского уезда, первый директор Алтатинской школы крестьянской молодежи Нарбиков Абдулла Садыкович (1896–1978), уроженец села Старый Вершаут Петровского уезда, народный учитель Яраев Шахимардан Хусаинович (1893–1969), уроженец села Новая Усть-Уза (ОГУ ГАСО Ф. Р–1. Оп 1. Д. 1779. Лл. 11, 11, об.).

Многие жители татарских сел по религиозным мотивам и по причине материальной необеспеченности не отдавали своих детей в советскую школу (ПМА, 2018: Багапова). Они полагали, что, освоив русский язык и научившись ставить кресты (знаки сложения), последние потеряют веру и обрусеют (ПМА, 2012: Хусаинова). Учителя школ вели массовую агитационную работу в пользу всеобуча. Консервативно настроенные родители вызывались в сельский совет для разъяснительной беседы на тему вреда религии (Хабибуллин, 2020: 176).

Вместе с тем в становлении новой системы образования в селе можно проследить определенную преемственность между светскими школами и дореволюционными *мектебе*. Это касалось использования помещений, преподавательских кадров, а также сложившегося традиционного отношения к значимости получения знаний в целом. В этом ключе можно говорить о сохранении утвердившихся в татарском обществе традиционного этикета в условиях школы, понятий нравственности, уважения к учителям.

По переписи 1926 г. татары по грамотности продолжали занимать передовое место среди всех народов Советского Союза (Муртазин, 2002: 55). С введением яналифа в 1927 г. и отказа от арабской грамоты они были вынуждены осваивать новый алфавит, основанный на латинской графике. Считалось, что его внедрение в массы позволит пользоваться достижениями современной науки и техники и сформировать национальную социалистическую культуру. Однако татарское население воспринимало освоение новой графики как отступление от постулатов религии (ПМА, 2012: Хусаинова). Местные партийные организации в качестве противовеса такому консервативному влиянию применяли методы морального давления, вели разъяснительные беседы и штрафовали родителей учеников (ОГУ ГАНИСО. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 7. Л. 17).

Перевод татарской графики на яналиф, затем в 1939 г. на кириллицу способствовал дальнейшей русификации татар и их отдалению от мусульманско-арабской культуры, от многовекового книжного наследия. К этим последствиям в перспективе вело и изъятие из обращения, уничтожение книг и учебников, имевшихся в фондах мечетей, медресе, в личных библиотеках мусульман. Факты о сожжении и закапывании религиозных изданий были зафиксированы со слов старожилых татарских сел (ПМА, 2012: Хусаинова).

Одновременно с организацией новых форм культурно-досуговой занятости населения, ликвидации его неграмотности шел процесс освобождения татар от религиозного мировоззрения и многовековых традиций. Для достижения этой цели активно работали антирелигиозные кружки. Однако их работа была затруднена из-за отсутствия литературы для пропаганды атеизма на татарском языке (ОГУ ГАНИСО. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 7. Л. 9). Языковой барьер играл роль буфера, защищавшего какое-то время сознание крестьян от проникновения советской идеологии.

Основную роль в решении задачи власти по секуляризации мировоззрения татар выполняли сельские учителя. В школах еженедельно проводились антирелигиозные часы, школьникам запрещалось заучивать тексты молитв, поститься, произносить имя бога – «Аллах». В месяц поста учителя встречали учеников с куском хлеба и стаканом воды. Преподаваемые предметы сопровождались атеистической риторикой. Однако антирелигиозная пропаганда слабо проникала в семейную среду, где дети продолжали получать исламское воспитание (ГАНИСО. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 229. Л. 32). Поэтому для нейтрализации влияния религии на воспитание новая власть через армию проводников советской идеологии всячески стремилась дискредитировать «отставших от жизни» родителей. Эта тенденция находила свое отражение на страницах печати. В качестве примера можно привести стихотворение, размещенное в 1927 г. в газете «Ялкын», выходившей в Саратове (Ялкын, 1927). Текст стихотворения был написан на арабской графике.

*Байрамгез котлы булсын, эткэй!
Байрамга сез артык булак миннән кәтмәгез.
Өзелеп-өзелеп өйгә чакырсаң та,
Килми диеп мине сүкмәгез.
Байрам икән, безгә барыбер,
Без анардан ни дә кәтмибез.
Кәжә чалып мулла сыйлау белән
Жәннәт фәлән өмет итмибез.*

/ Поздравлю вас с вашим праздником, папа, но не ждите от меня более подарков. Не ругайте меня за то, что не приеду к вам в гости (на праздник), как бы вы меня не приглашали. Нам безразличен этот праздник и от него ничего не ждем. Мы не надеемся попасть в рай, угостив муллу заколотым козлом (жертвенным животным на праздник Курбан-байрам) (перевод – авт.).

В 1929–1930 гг. в условиях проведения кампаний по сплошной коллективизации и раскулачиванию в стране усилился экономический и психологический нажим на мусульманское духовенство. Повсеместно имамов вынуждали к отказу от занимаемых должностей. Так, в 1929 г. на страницах краевой газеты «Ялкын» имамы мечетей татарских сел Алтата и Верхазовка Дергачевского района официально объявили об оставлении работы (Ялкын, 1929, 8 декабря;

Ялкын, 1929, 29 декабря). Власть взяла курс на закрытие мечетей с дальнейшим использованием их под социально-культурные учреждения. Добиваться этого следовало «путем широкой массовой работы», т.е. подготовки сознания людей к коренным переменам. Один из ключевых моментов этих перемен заключался в достижении важной цели: отвадить татар от мечети, являвшейся центральным объектом цементирования религиозного сознания мусульман. В итоге большинство мечетей татарских сел в эти годы было закрыто по причине неуплаты налогов, которые в предшествующие годы собирались населением добровольно (ОГУ ГАСО. Ф. Р–522. Оп. 1. Д. 146. Л. 155–156).

Параллельно с ликвидацией религиозных институтов и его служителей в 1920 – начале 1930-х годов советская власть проводила политику «коренизации» в отношении национальных меньшинств. Готовились кадры национальной советской интеллигенции, русский язык делопроизводства на местах замещался национальными языками, обучение в школах осуществлялось на родном языке местного населения.

Серьезным препятствием на пути становления советского мировоззрения являлась «неграмотность» татар. Поэтому в 1920–1930-е годы активно осуществлялась кампания ликвидации безграмотности посредством организации работы кружков. Однако татарское население посещало их слабо. В основном учебной охватывалась только молодежь.

Просветительскую работу проводили избы-читальни, располагавшиеся в национализированных домах и в мечетях (ОГУ ГАНИСО Ф. 1778. Оп. 4. Д. 33. Л. 111). Организуемые в них русскоязычными лекторами занятия и устраиваемые выставки привлекали узкий круг активистов и в целом были непопулярны в народе из-за незнания русского языка и грамоты (Заволжский пахарь, 1925).

Наибольшую популярность среди жителей татарских сел приобрели выступления самодеятельных театров, труппы которых состояли из учителей, учеников старших классов и работников изб-читален (ПМА, 1998: Хусаинова). Их работа, наряду с проводившимися в клубах литературными вечерами (Социалистическая стройка, 1940), способствовала не только идеологическому, духовно-нравственному воспитанию населения, но и внедрению в устную народную речь татар-мишарей норм литературного языка, поднятию уровня общей светской культуры и просвещенности.

Вместе с тем старшее поколение мусульман негативно относилось к посещению молодежью увеселительных мероприятий, в том числе спектаклей, кинопоказов, поскольку в шариате запрещалось лицедейство (ПМА, 2012: Абдрахманова). Приобщение татар к новому виду искусства осложнялось и тем, что в некоторых селах клубы устраивались в зданиях мечетей, что вызывало активное противодействие старшего поколения татар. Так, в селе Новая Усть-Уза Жерновского района после демонстрации фильма неожиданно возник пожар, в результате которого мечеть сгорела дотла (ПМА, 2024: Фетхуллина). Негативное отношение старшего поколения, получившего воспитание в мечетях и *мектебе*, было вполне естественным. Однако это поколение, не могло уже существ-

венно влиять на ход событий. Посредством демонстрации кино формировалось сознание советского человека – добросовестно относящегося к коллективному труду, ведущему борьбу с врагами советской власти – кулаками, муллами, с различного рода «вредителями».

Место традиционных религиозных праздников в 1920–30-е гг. в татарских селах заняли официальные государственные праздники, служащие целям формирования советского патриотизма, интернационализма, коммунистического мировоззрения. Наряду с ними в 1930-е годы искусственно был насажден не являвшийся традиционным для татар Саратовского края национальный праздник Сабантуй. Он в условиях советского режима приобрел интернациональный характер. Сама идея внедрения в народную культуру трудового праздника, знаменующего собой окончание весенних полевых работ, гармонично вписывалась в систему советских ценностей. Таким образом, новые советские праздники не препятствовали сохранению языка, фольклора, национального колорита, а внедрение Сабантуя способствовало развитию национальной культуры в крае.

Идеологическое воспитание населения проводилось через его приобщение к чтению периодических изданий. Наиболее популярными среди жителей татарских сел стали краевая газета «Ялкын» («Пламя»), журналы «Азат хатын» («Свободная женщина»), «Совет әдәбияты» («Советская литература»).

Значительный вклад в дело приобщения татар Заволжья к национальной советской культуре внес поэт Муса Джалиль, командированный в 1933 г. в Дергачевский район Нижне-Волжского края в качестве журналиста, сотрудника общесоюзной татарской газеты «Коммунист». Джалиль публиковал статьи на татарском языке, в которых освещались процессы, связанные с становлением и укреплением колхозов в татарских селах. Вместе с молодежью он организовывал литературные вечера, постановку спектаклей на родном языке. Муса читал свои стихи, выступал с лекциями. Ко времени деятельности Джалиля в Саратовском Заволжье относятся такие его стихи, как «На ранней посевной», «Поздний вечер», «Вор», «Ударнику пара». В этот же период им были написаны две большие поэмы «Директор совхоза» и «Солнце и директор» (Фаиз, 2006: 28–29).

Творческая деятельность М. Джалиля способствовала обогащению культуры местного населения. Среди крестьян в эти годы появились поэты, исполнители песен. Одним из известнейших поэтов 1930-х годов, вошедших в Союз писателей Татарии, являлся уроженец села Алтата Аитзак Аитов (1908–1941). Его стихи о коллективизации, патриотизме, жизни комсомольцев в довоенное время публиковались на страницах периодической печати, вошли в коллективный сборник «Алар сафта» («Они в строю») (Алтата авылы, 2007: 202).

Большое влияние на развитие песенного фольклора татар оказывала обстановка коллективного труда. Татарская песня часто сопровождала отдых крестьян, поднимала их трудовой дух, помогала коротать длинные расстояния. В таких песнях, как «Сарман», «Авыл көе», воспевались красота родных просторов, любовь к родному селу, любовь к матери, ценность родственных отношений.

Организация советских школ, создание колхозов с вовлечением крестьян в общественную жизнь облегчили процесс идеологической борьбы с религией. Важную роль в этой борьбе сыграло принятие правовых норм, выводящих обрядовые действия верующих за рамки закона. Таким стало постановление «О религиозных объединениях», принятое ВЦИК и СНК РСФСР в 1929 г. В нем запрещалась всякая церковная деятельность вне церковных стен. Запрещалось организовывать молитвенные и другие собрания, группы для обучения религии, вести благотворительную деятельность (Очерки истории..., 2006: 322).

В 1930–1935-е годы наблюдался повсеместный слом зданий мечетей или переоборудование их под хозяйственно-культурные нужды советской власти (ГАСО. Ф. 522. Оп 1. Д. 146. Л. 143–158, Д. 251. Л. 193–210).

К концу 1936 г. из 200 мечетей, действовавших в более чем 70 татарских селах и 5-ти городских слободах бывшей Саратовской губернии, практически все были закрыты и поломаны. В послевоенное время в Саратовской области сохранилась единственная действующая мечеть в селе Верхазовка Дергачевского района. В Саратове здание мечетей было передано под клуб Горсовета физкультуры и под здание РОВД (ОГУ ГАСО. Ф. 461. Оп. 2. Д. 736. Л. 13–14), в Хвалынске – под кинотеатр, в селе Осинов Гай – сельский Дом культуры (Татары Саратовского Поволжья..., 220: 117).

Составной частью антирелигиозной политики властей являлось системное давление, оказываемое на мусульман, продолжающих соблюдать основные требования ислама. Стремление верующих к исполнению религиозных обязанностей подвергалось осуждению и осмеянию со стороны партийных и советских работников, в том числе на страницах печати. Так, в 1931–1932 гг. в газетах Дергачевского и Лопатинского районов вышли статьи «Ураза – праздник кулаков и мулл» и «Все силы на борьбу с Курбан-байрамом», в которых разъяснялся вред, наносимый религиозными праздниками здоровью колхозников и сельскохозяйственному производству (Луч колхоза, 1931; Социалистическая стройка, 1932). В день религиозных праздников партийные и советские работники сел проводили митинги, посвященные антирелигиозной тематике (ГАНИСО. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 6. Л. 23).

В плане соблюдения религиозных предписаний в более выгодном положении оказалось старшее поколение и часть женщин, которые не были вовлечены в колхозное производство. Совсем иным было состояние колхозников, трудоспособных мужчин, так как в условиях коллективного труда, общественной жизни соблюдать нормы ислама им было сложнее. Помимо общественного презрения, грозила перспектива попасть в разряд «врагов народа», «подкулачников» и «неблагонадежных». Вдвойне сложно было следовать религии руководителям различного ранга. Так, уроженец села Алтата Дергачевского района Хусаинов свидетельствовал, что в конце 1930-х годов его дядя, коммунист и бригадир Илач Минаевич (1902–1943) поздно вечером возвращался с работы и сразу поручал его матери стоять у дверей дома на страже, пока сам читал молитву – *намаз* (ПИМА, 2012: Хусаинов).

Процесс коллективизации сопровождался сломом традиционного хозяйственного уклада жизни на селе. С одной стороны, внедряемые новой идеологией понятия коллективизма, приоритет общественных ценностей были не чужды приверженцам исламской религии. С другой стороны условия новой формы хозяйствования, занятость в коллективном труде трансформировали традиционные отношения крестьян к средствам производства и к самому труду. Менялись и представления татар о способах и методах обеспечения жизни и пропитания семьи. Болезненным для татар стал отказ от торговой деятельности, особенно в Правобережных районах Саратовского края. В Заволжье, где было развито частное скотоводство, крестьяне лишились этого важного источника дохода. Интересно, что под словом *мал* Правобережные татары понимали богатство, деньги, а Заволжские подразумевали скотину. В Левобережье где татары меньше занимались частной торговлей в дореволюционные годы, в советский период у них сложилось негативное отношение к этому виду хозяйственной деятельности. Особого внимания заслуживает выработавшееся у татар в условиях нужды положительное отношение к краже колхозной продукции, которая строго каралась государством. Так, в селе Новая Усть-Уза бытовала следующая частушка:

*Бик калын да чистартмагыз (суймагыз),
бик нэзек тә чистартмагыз,
Миңа гына ошанмагыз,
колхоздан да урлагыз* (ПМА, 2024: Хайрова).

/ Не чистите картошку слишком тонким слоем,
но и не толстым не чистите.
Не найдете только на меня (картофель),
воруйте и в колхозе (перевод – авт.).

В целом татары края были вовлечены в процесс формирования класса колхозного крестьянства. Атмосфера регламентированного коллективного труда с культурно-просветительским сопровождением в духе коммунистической идеологии способствовала все большей секуляризации сознания и жизни сельчан.

Существенным катализатором в процесс трансформации мировоззрения, ментальности татар, на наш взгляд, стали репрессии 1936–1938 годов, когда в числе других были осуждены тройками при УНКВД по Саратовской области и расстреляны приверженцы религиозных традиций, представители дореволюционной интеллигенции. Татарское общество в эти годы было охвачено страхом быть уличенным в исполнении традиционных обрядов, что выразилось в проявлении элементов конспирации, возведенных в ранг религиозных норм. Примером тому могут служить появившийся в те годы обычай тушить (позже выключать) свет во время чтения молитвы – *намаз*, закрывать и запираить все окна и двери во время совершения обряда бракосочетания – *никах* в доме невесты (ПМА, 2022: Акчурина).

Трагедии раскулачивания, коллективизации, слома мечетей и обстановка нагнетания «классовой борьбы» ослабили традиции сплоченности татарского

сельского общества. Сотни семей, не принявшие колхозную форму хозяйствования, и по причине голода 1932–1933 годов, были вынуждены мигрировать в другие более благополучные районы страны.

Уничтожение слоя традиционной интеллигенции и экономически активной части населения, закрытие *мектебе*, мечетей, ликвидация книжного наследия и письменности явилось чудовищным актом разрушения всей корневой системы народа. В эти годы был запущен механизм ликвидации самобытного татарского села с его многовековыми традициями, системой ценностей и приоритетов.

С вытеснением религии из официальной общественной жизни в 1920–1930-х годах произошло разделение татарской сельской культуры на две части: традиционную, основанную на многовековых цивилизованных ценностях, и секуляризованную советскую с национальным оттенком.

В конце 1940-х – начале 1950-х годов, после непродолжительного времени смягчения антирелигиозной риторики, отношение советского государства к религии и религиозным обрядам вновь ужесточилось. В этих сложных условиях любая религиозная активность могла быть расценена как антисоветская пропаганда.

Согласно собранным нами сведениям, в послевоенный период и до процессов демократизации общества (конец 1980-х) в Саратовской области официально действовали лишь 2 мечети – в городе Саратове (с 1968) и в селе Верхазовка Дергачевского района. До середины 1950-х годов все мусульманские обряды и ритуалы совершались в скрытной конспиративной форме в семейном кругу.

В годы хрущевской оттепели положение религии несколько изменилось. Прежде всего, это выразилось в том, что старшее поколение мусульман, преимущественно ветераны Великой Отечественной войны, начали собираться на пятничные молитвы в частных домах. Местами для проведения праздничных молитв, помимо частных домов, в летнее время служили территории возле кладбищ. Для этого периода было характерно участие в больших праздниках *рамазан аеты* (праздник разговения) и *корбан аеты* (праздник жертвоприношения) старшего поколения, детей и молодежи. Даты праздников определялись хазратами по известному в исламской религии методу – наблюдению за появлением новой луны. При этом некоторые из мулл получали из Духовного управления (Уфа) мусульманские календари (ПМА, 2018: Нарбиков).

В 1950-х – начале 1980-х годов через средства массовой информации, учреждения культуры и образования проводилась атеистическая пропаганда, направленная на отрыв подрастающего поколения, молодежи от религиозных традиций. Несмотря на это, в татарских селах края соблюдалась практика совершения обрядов имянаречения (*исем кушу*), обрезания (*сөннәткә бирү*), чтения заупокойной молитвы (*жәназа намаз*) и всех сопутствующих традиций подготовки к погребению (*юындыру, кәфенләү, Корән уку, хатем кылу*), погребения (*дәфен кылу, җирләү*), последующего проведения поминок (*ашын үткәру*). На проводимых поминках хазраты ограничивались чтением Корана и

произнесением мольбы. Попытки аксакалов вести призыв к религии пресекались коммунистами – участниками традиционных собраний.

Обряд бракосочетания (*никах*) в советские годы совершался неофициальными муллами сел при условии предоставления молодоженами свидетельства о регистрации брака из сельского совета (ПМА, 2019: Жалилов).

В месяц *рабигуль-авваль* – месяц рождения пророка Мухаммада (мир ему) во всех татарских селах проводились *мавлид* – поминовения пророка Мухаммада. В условиях гонений на религию *мавлид* являлся одним из видов общественных собраний, способствовавших сохранению понимания значимости любви к пророку Мухаммаду (мир ему) и ценности его сунны-традиции. На мавлидах читался Коран, касыда «*Маулидун-наби*» и распевались мунаджаты – песнопения о пророке Мухаммаде.

Наряду с религиозными традициями сохранялись и народные формы культуры. При этом претерпел определенную трансформацию мусульманский этикет знакомства юношей и девушек с последующим сватовством и женитьбой. Так, например, еще в первом десятилетии XX в. у татар Петровского уезда Саратовской губернии бытовали следующие традиции:

Молодые девушки и ребята вместе в обществе и на улице быть не могли. Парни по вечерам сидели под окнами таких домов, где есть невесты, и тайком их высматривали. Потом понравившуюся сватали. Посылали для этого своих родителей. У дома невесты, когда сватовство заканчивалось удачно, делали несколько выстрелов из холостых ружей и пистолетов, которые держали для этих целей. Уладившие в сватовстве договаривались о размере махра – свадебного подарка. Потом, через некоторое время, делалась свадьба по обряду (*никах*), затем происходили гулянья с плясками под скрипку. Но невеста еще около года оставалась у отца (ОГУ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2187. Лл. 450, 468).

К началу 1920-х годов религиозные традиции татар Саратовской губернии не претерпели изменений. Исследователи, описывая традиционные устои в селах, отмечали, что женщины и особенно молодые девушки не садились за общий стол и прятались в присутствии мужчин (Труды Нижне-Волжского..., 1926: 20).

В 1930-е и последующие годы молодежь по разрешению родителей собиралась в определенных домах для совместного времяпровождения и общения в рамках сложившихся правил и этикета. В Татарии подобные мероприятия было принято называть *аулак ой*. В селах Правобережья Саратовской области они были известны как *вечер* или *яратам* и появились только в довоенное десятилетие. Проводились вечера после выполнения определенных домашних работ в дневное время. По традиции девушек приглашали для оципывания гусей – *каз йолкырга*. В тех селах, в которых гусей не держали, молодежь собирали для уборки картофеля в огороде – *картюк чүпләргә* или генеральной уборки избы – *ызба юарга*. На вечера приглашали только девушек. Однако к ним по предварительному разрешению присоединялись неженатые парни с гармошкой. Здесь исполнялись народные песни:

*Кара кашлы йолдызым, энҗе тешле гөлийөзем.
Ак чыраең, кыйгач кашың, күреп туймыйдыр күзем.
Каш карасы күзеңдә, буй зифасы үзеңдә.
Ай туганда тудың мәллә, ай нуры бар йөзеңдә.
Казан каласын су алган, байның маллары калган.
Сөеп алу, сөеп бару пәйгамбәрләрдән калган (ПМА, 2018: Багдалова).*

*/ Звездочка моя чернобровая, жемчужина, цветочек мой.
Не могу наглядеться на твой белый лик и косые брови.
У тебя карие глаза и стройная фигура. Видно, родилась ты,
когда появилась луна, оттого на лице твоём отразился ее свет.
Город Казань остался под водой, богач потерял свои богатства.
Выходить замуж по любви и жениться – традиция,
дошедшая до нас от пророков (перевод – авт.).*

На вечерах девушки и парни играли в такие игры, как *алтын йөзек* и *пряшкя*. Основная функция такого общения молодежи заключалась в выборе невест. Познакомившись и понравившись друг другу, молодые сообщали об этом родителям, а те, если одобряли выбор детей, отправляли сватов – *башкода*.

Материальные трудности, связанные с Великой Отечественной войной, способствовали упрощению традиционных и появлению новых свадебных обрядов. Во многих татарских селах распространялась такая форма заключения брака, как *ябышып чыгу*, когда молодые сами договаривались о вступлении в брак. Жених согласовывал с родителями день, когда приведет невесту в дом. Юноша уводил к себе свою избранницу под покровом ночи, чаще всего из клуба или с посиделок. При этом молодых сопровождали друг и подруга. Наутро следовало приглашение родителей девушки на *никах* в дом жениха (Зюзин, 2020: 238–239).

В послевоенные годы в части сел Саратовского края происходила демократизация форм общения, знакомства татарской колхозной молодежи. Одним из особенностей новой сельской культуры стали весенние гуляния парней и девушек, которые после окончания полевых работ по вечерам собиралась на берегах рек. Они проводили игры *өчтүндәк*, *сугып мяч*, *прәшкә*, исполняли песни и пляски под гармошку (ПМА, 2012: Аминова).

Вместе с тем, в вопросах женитьбы и замужества авторитет родителей оставался непререкаемым. Так, старожилы татарского села Суляевка Лопатинского района Пензенской области свидетельствовали, что в 1960-е годы невесту для джигита выбирали родители. Сватать невесту (*кыз димләргә*) отправляли старшую родственницу. Приходила она в дом невесты тайно, в ночь с четверга на пятницу. Действовало такое правило – не переступать за матку, если уж переступали, то следовал отказ. В случае получения согласия родителей невесты, сватать ее (невесту) приходили родители жениха, что называлось *башкода*. На этой встрече стороны договаривались – *ярашу*, т.е. касательно размера *махра* – обязательного свадебного подарка, являющегося условием заключения брака –

никах, а также его даты. Заканчивалось сватовство чтением Корана и возведением мольбы – *дога*. Все эти предсвадебные обряды проходили без распития спиртных напитков (ПМА, 2018: Нарбикова).

В некоторых Правобережных селах Саратовского края после совершения венчания (*никах*) невеста еще две недели жила в доме отца, а жених приходил к ней ночевать, что называлось *кәләш куенына йөрү*. Данная традиция имела давнее дореволюционное происхождение, когда несостоятельный жених мог копить деньги на выплату обязательного свадебного подарка (*махра*), в течение 1–2 лет работая по найму (ПМА, 2018: Нарбикова).

Таким образом, в 1920–1930-е годы начался процесс постепенной трансформации цивилизационных традиций, духовной культуры татар, которая на протяжении веков гарантировала незыблемость этнорелигиозной идентичности в условиях вызовов времени: насильственной христианизации, войн, болезней, нужды и голода. Процесс ослабления религиозного самосознания и конфессиональных институтов в татарских селах происходил поэтапно. В 1920-е годы утверждалась советская национальная школа, пришедшая на смену религиозным *мектебе*, которые функционировали по советским законам до конца периода НЭПа. Следующим этапом в 1929–1930 гг. стало уничтожение дореволюционной духовной и интеллектуальной элиты, которая протекала вкуче с ликвидацией экономически крепких хозяйственных ячеек, являвшихся фундаментом социальной и духовно-нравственной жизни татарского села.

Национальная советская школа в последующие годы сыграла огромную роль в сохранении национального самосознания татар, обогащении родного языка, культуры. Несмотря на сугубо светский характер воспитания и проводимую антирелигиозную работу, школы в большинстве татарских сел края и области оставались татароязычными по контингенту педагогов и учащихся, что позволяло поддерживать преемственную атмосферу воспитания в духе лучших традиций народа.

На протяжении всех советских лет гонений на религию лишь в семейной неформальной среде сохранилась связь поколений, практиковалось освоение молодым поколением религиозных обычаев и устоев. В комплексе все сельские официальные и народные институты определяли духовно-нравственный облик села и сохраняли этноконфессиональную идентичность татар.

С началом крушения командно-административной системы и начала ренессанса национально-религиозных традиций в выигрыше оказались те татарские села, в которых в большей степени сохранились самобытное мировоззрение, исконный уклад жизни и хозяйствования.

Сегодня татары демонстрируют высокую степень интеграции в российское общество и вовлеченность в объективные процессы аккультурации. Стирание значимости присущих народу духовно-нравственных традиций неминуемо ведет к его ассимиляции и исчезновению. Татары на протяжении столетий сохраняли национальную идентичность благодаря приверженности к исторически сложившейся ментальности, родному языку, традициям, исторической памяти.

Уроки прошлого показывают, что жизнестойкость любого народа возможна лишь в условиях четко определенных векторов духовно-нравственного, общественно-политического развития.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

Заволжский пахарь. 1925, 4 марта.

Луч колхоза. 1931, 23 апреля.

ОГУ ГАНИСО. Ф.1778. Оп. 4. Д. 33.

ОГУ ГАНИСО. Ф. 2097.

ОГУ ГАСО Ф. 637. Оп. 2. Д. 3038.

ОГУ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2187.

ОГУ ГАСО. Ф. 461. Оп. 2. Д. 736.

ОГУ ГАСО. Ф. 521.

ОГУ ГАСО. Ф. 522.

ОГУ ГАСО. Ф. Р-1.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Саратовская губерния. 1904. [4]. XII.

ПМА 1998 – Полевые материалы экспедиции автора в с. Алтата Дергачевского р-на Саратовской области, июнь 1998 (тетради 1, 2).

ПМА 2012 – Полевые материалы экспедиции автора в села Дергачевского р-на Саратовской области, июль 2012 (тетради 1, 2).

ПМА 2018 – Полевые материалы экспедиции автора в села Лопатинского р-на Пензенской области, январь 2018 (тетради 1, 2).

ПМА 2019 – Полевые материалы экспедиции автора в села Дергачевского р-на Саратовской области, июль 2019 (тетради 1, 2).

ПМА 2022 – Полевые материалы экспедиции автора в села Базарно-Карабулакского р-на Саратовской области, август 2022 (тетради 1, 2).

ПМА 2024 – Полевые материалы экспедиции автора в села Петровского р-на Саратовской области, июнь 2024 (тетради 1, 2).

Социалистическая стройка. 1932, 8 января.

Социалистическая стройка. 1940, 11 января.

Труды Нижне-Волжского Областного Научного Общества Краеведения. Этнографический сборник. Издание Н Волжского Областного Научного Об-ва Краеведения. Саратов, 1926. Краткий отчет о деятельности Отдела Этнографии Нижне-Волжского Областного Научного Общества Краеведения за 1922–1925 гг.

Ялкын. 1927, 5 июня.

Ялкын. 1929, 29 декабря.

Ялкын. 1929, 8 декабря.

ЛИТЕРАТУРА

- Зюзин Ф.М., Алюшев Р.Х. История татар Пензенского края. Т.1. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020.
- Миннуллин И.Р. Мусульманские общины в 1920–1930-е гг.: политико-правовое и социально-экономическое положение // История татар с древнейших времен: в 7 томах. Казань: Институт истории АН РТ, 2013. Т. VII: Татары и Татарстан в XX – начале XXI в. С. 360–373.
- Муртазина Л.Р. Педагогический анализ деятельности ликбезов в Татарской республике. Казань: Печатный двор, 2002.
- Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941). Под ред. Ю.Г. Голуба. Т. 3. Ч. 1. Саратов, 2006.
- Рашитов Ф.А. Мостяк. Славная история татарского села. Т. 1. Москва: Издательство Йосеф Ибрахим, 2023.
- Татары Саратовского Поволжья: энциклопедический справочник / ред. кол.: Ф.А. Рашитов (гл. ред.), М.В. Булычев, Р.И. Ишмухамедова, Е.Е. Крянева, Р.А. Сингатуллин, А.А. Хабибуллин. Саратов: ООО Издательство «Кубик», 2020.
- Трофимов В.И. Татары Саратовского края. Саратов: Саратовский государственный областной музей, 1928.
- Хабибуллин А.А. Алтата – татарское село в степном Заволжье. Саратов: Издательский центр «Наука», 2017.
- Хабибуллин А.А. Колхозное село в довоенное время. Саратов: Издательский центр «Наука», 2021.
- Хабибуллин А.А. Суляевка в краю родников. История татарского села. Саратов: Издательский центр «Наука», 2020.
- Алтата авылы. Тарих һәм халык авазы ижаты / Под ред. А.А. Хабибуллина. Саратов, 2007.
- Фаиз С.Ф. Илмин тарихының сүрәте һәм авыз ижаты. Казан: Ш. Мәржәни исемендәге Тарих институты басмаханәсе, 2006.

REFERENCES

- Altata village. History and folk art* (2007). Ed. A.A. Khabibullina. Saratov. (In Tat.)
- Essays on the history of the Saratov Volga region (1917–1941)* (2006). Ed. Yu.G. Golub. Vol. 3. Part 1. Saratov. (In Russ.)
- Faiz S.F. (2006) *The image of the history of science and folk art*. Kazan: Marjani Institute of History Publ. (In Tat.)
- Khabibullin A.A. (2017) *Altata is a Tatar village in the steppe Trans-Volga region*. Saratov: Science Publ. Center. (In Russ.)
- Khabibullin A.A. (2020) *Sulyaevka in the land of springs. History of the Tatar village*. Saratov: Science Publ. Center. (In Russ.)
- Khabibullin A.A. (2021) *Collective farm village in pre-war times*. Saratov: Science Publ. Center. (In Russ.)
- Minnullin I.R. (2013) Muslim communities in the 1920–1930s: political, legal and socio-economic situation. In: *History of the Tatars from ancient times: in 7 volumes*. Kazan: Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2013. Vol. 7: Tatars and Tatarstan in the 20th – early 21st centuries: 360–373. (In Russ.)
- Murtazina L.R. (2002) *Pedagogical analysis of the activities of literacy programs in the Tatar Republic*. Kazan: Pechatny Dvor Publ. (In Russ.)

Rashitov F.A. (2023) *Mostyak. The glorious history of the Tatar village*. Vol. 1. Moscow: Yosef Ibrahim Publ. House. (In Russ.)

Tatars of the Saratov Volga region: encyclopedic reference book (2020). Eds.: F.A. Rashitov (chief editor), M.V. Bulychev, R.I. Ishmukhamedova, E.E. Kryaneva, R.A. Singatullin, A.A. Khabibullin. Saratov: Kubik Publ. House LLC. (In Russ.)

Trofimov V.I. (1928) *Tatars of the Saratov region*. Saratov: Saratov State Regional Museum Publ. (In Russ.)

Zyuzin F.M., Alyushev R.Kh. (2020) *History of the Penza region Tatars*. Vol. 1. Saint-Petersburg: SPbGEU Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе: Хабибуллин Артур Ахатович, кандидат исторических наук, директор, Медресе «Шейх Саид» Духовного управления мусульман Саратовской области (410003, ул. Татарская, 10/12, Саратов, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0000-7565-3506>; e-mail: ali.xabibullin@yandex.ru

About the author: Artur A. Khabibullin, Cand. Sc. (History), Director of Sheikh Said Madrasah of the Saratov Region Religious Board of Muslims (10/12 Tatarskaya St., Saratov 410003, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0000-7565-3506>; e-mail: ali.xabibullin@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 3.03.2025

Доработана после рецензирования / Revised 30.06.2025

Принята к публикации / Accepted 7.07.2025